

Чу Синцы с недоверием взирал на происходящее.

Один ученик, с кожей белой, словно фарфор, и крепким телосложением, протянул руку и положил её на грудь учителя. Другой, статный, с тонкими чертами лица и длинными ногами, поддерживал наставника за поясницу.

Улыбка Чу Синцы застыла на губах, тело окаменело.

— Учитель...

В груди поднялась волна удушья, дыхание перехватило, и Чу Синцы, схватившись за сердце, бледный как полотно, повалился на землю.

Лу Минсю, обернувшись и увидев младшего ученика, сначала обрадовался, но, заметив, как тот падает, испугался и в смятении бросился к нему.

Лу Минсю подхватил юношу, помогая ему подняться. Тот прижался к груди учителя, уронив голову ему на плечо, и, обхватив наставника одной рукой, посмотрел на него покрасневшими глазами.

— Учитель, мне так плохо, — прошептал Чу Синцы, пытаясь вызвать жалость.

— Сяо Цы, где именно болит? Давай я позову Цзинмо, пусть осмотрит тебя.

Лу Минсю поманил Сун Цзинмо, но младший ученик вцепился в его рукав.

— Учитель, не надо его, — он легонько потянул наставника за одежду.

Сун Цзинмо, уже было сделавший шаг вперед, медленно опустил ногу. Цзянь Уя поспешно отдернул протянутую руку.

Цзянь Уя с изумлением взглянул на Сун Цзинмо, а тот лишь понимающе ответил ему взглядом.

— Сяо Цы, будь послушным, если болен — нужно лечиться.

Глаза младшего ученика, красные, как у кролика, выглядели до того жалко, что сердце Лу Минсю дрогнуло. Он ласково поправил растрепавшиеся пряди у лица юноши.

— Учитель, мне становится душно, как только я их вижу. Отправьте их прочь.

— Не капризничай, пусть Цзинмо тебя осмотрит.

— Учитель, я в порядке, мне просто нужно отдохнуть. От них у меня болит голова и стесняет в груди.

— Что ж, хорошо. Уя, Цзинмо, забирайте своего младшего брата и возвращайтесь. Сегодня прислуживать больше не нужно.

Чу Синцы с трудом приподнял голову и прошептал учителю на ухо:

— Учитель, пусть они больше никогда не приходят.

Лу Минсю почувствовал щекотку у шеи и втянул голову в плечи. Повернувшись к остальным ученикам, он добавил:

— Да, впредь можете не приходить. Я сам всё объясню вашему наставнику.

Ученики поклонились и удалились. Проводив их взглядом, Лу Минсю, поддерживая младшего подопечного, медленно побрел в спальню.

Уложив ученика на кушетку, он собрался было встать, чтобы принести воды, но Чу Синцы обхватил его за талию и уткнулся лицом в грудь, всхлипывая.

Лу Минсю пришлось сесть рядом, осторожно обнимая юношу и похлопывая его по спине.

— Ну всё, всё, ты же не маленький ребенок, чтобы слезы лить.

Своего ученика, как ни крути, приходится баловать.

Из глубины его объятий донесся приглушенный голос:

— У учителя нет сердца! Учитель совсем обо мне не заботится!

— С чего ты взял? Я ведь только с тобой и сижу, остальных учеников с других пиков уже разогнал.

Чу Синцы отстранился, поднял голову и посмотрел на него с обидой, кончик носа у него покраснел.

— Я чуть не погиб в Тайной обители Шэньинь, а учитель в это время любезничал с другими!

Тебе совсем нет дела до моей жизни!

— Нет, что ты, ничего подобного! — Лу Минсю торопливо замахал руками.

— ... — младший ученик расстроился еще сильнее, и слеза скатилась по его щеке. Лу Минсю почувствовал, как на душе стало пасмурно.

Он зажмурился и тяжело вздохнул.

— Не плачь, не плачь! Я не это имел в виду. Я хотел сказать, что мне не всё равно, и ни с кем я не любезничал! Не наговаривай на учителя!

— Правда? Не верю. Рука Цзянь Уя была у тебя на груди.

— Это недоразумение, он просто хотел убрать остатки лекарственного отвара.

— А Сун Цзинмо трогал тебя за поясницу.

— Нет, он не дотронулся!

— Учитель, вы... вы зашли слишком далеко!

Лу Минсю растерянно смотрел на ученика, ничего не понимая.

— Еще и не дотронулся? Значит, учитель, вы сами хотели, чтобы он вас трогал, так, что ли?

Ситуация становилась нелепой, и оправдаться было невозможно. Лу Минсю подумал, что пусть кто хочет, тот и возится с таким учеником.

Заметив, что учитель замолчал, Чу Синцы понял, что дошел до края, и решил вовремя остановиться.

— Учитель принадлежит мне. Обнимать его могу только я, больше никто.

Лу Минсю поспешил сменить тему:

— Хорошо, только тебе. Рассказывай, что там было в обители? Ты получил какие-нибудь ранения?

Чу Синцы принялся рассказывать о событиях в Тайной обители Шэньинь, описывая всё в мрачных красках, но умолчал о том, что на самом деле успел умереть.

Услышав это, Лу Минсю проникся жалостью к ученику и почувствовал укол совести из-за того, что сам проводил эти дни в праздности.

Он попросил Чу Синцы показать маленький огненный комочек, чтобы как следует осмотреть его.

Пламя выпрыгнуло наружу, покружило вокруг Чу Синцы и опустилось ему на кончик пальца.

Чу Синцы передал ему мысленно: Это мой самый почитаемый учитель. Подойди к нему, покажись, только держи температуру под контролем, он сейчас не может использовать духовную энергию.

Огонек послушно подплыл к Лу Минсю, склонив верхушку пламени набок, словно маленький зверёк, наклонивший голову.

Лу Минсю осторожно коснулся его:

— Какой послушный!

Он долго и внимательно рассматривал пламя, заставлял его кружиться и менять форму, и лишь потом позволил Чу Синцы убрать его.

— Цвет белый, сжигает предметы дотла, к тому же когда-то уже имел хозяина... Должно быть, это Девятипустотное духовное пламя, утраченное десятки тысяч лет назад.

Уже имел хозяина и утрачено? Неужели оно такое слабое? — Чу Синцы мысленно пренебрежительно хмыкнул.

Учитель только что похвалил его за послушание, а ведь самый послушный здесь он, единственный любимый ученик!

Духовное пламя в ответ возмутилось в глубине духовных корней: Ты просто не разбираешься! Я — самое мощное пламя в этом мире!

Лу Минсю, видя, что ученик внимательно слушает, продолжил объяснять:

— Оно когда-то занимало третье место в списке духовных огней, но после того как исчезло, выбыло из рейтинга.

Чу Синцы послал мысленный импульс: Слышал? Выбыл из рейтинга, твоего имени там больше нет.

Пламя обиженно замолчало.

— Тот, кто был его прежним владельцем, это человек из того видения, что я видел? — с беспокойством спросил Чу Синцы.

— Скорее всего. Как только оно признало хозяина, оно исчезло из списка.

— Кто он такой? И почему произнес те слова?

— Бывший владыка мира призраков, Бессмертный Юмин. Единственный, у кого за десять тысяч лет хватило сил попытаться прорвать границы и вознестись, но он потерпел неудачу и погиб.

Лу Минсю немного подумал и добавил:

— Тот, кого он называл бессмертным, определенно был из сферы Истинного Бессмертия.

Чу Синцы вспомнил грозовые тучи и небесную кару из видения — они были очень похожи на то, что он видел в прошлой жизни, когда пытался прорвать границы.

— Верно. Неужели, когда он пытался вознестись, он увидел настоящего бессмертного? — у Чу Синцы возникло множество вопросов.

— Но он погиб! Может, это бессмертный что-то с ним сделал? — снова спросил он.

Лу Минсю, выслушав такие рассуждения, встревожился и поспешил прервать его:

— Не строй догадок. Это дело огромной важности, о нем нельзя много говорить.

— Неужели мы просто оставим всё как есть?

— Слишком глубокие тайны здесь сокрыты. С нашей нынешней силой мы не вправе в это вмешиваться. Дождусь восстановления своей культивации, тогда и решим, что делать.

Лу Минсю подвел черту под этим разговором. В мире совершенствующихся пока всё было спокойно, спешить не стоило.

— Я во всем слушаюсь учителя. Буду усерднее тренироваться.

— Хороший ученик. Давай-ка я проверю твою культивацию, посмотрю, каких успехов ты достиг.

— Учитель, мы еще не завтракали, еда так и стоит во дворе.

— И правда! Чуть не забыл!

<http://bllate.org/book/22516/2377768>